

НАРОД-РЕБЕНОК ИЛИ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ «МАЛЫХ СИХ»

Евангелие, а может быть и все Священное Писание, обладает той особенностью, что с любой страницы, а то и строки может распахнуться бесконечная и таинственная панорама целого. Всякая притча, история или беседа словно подводит нас к краю, за которым разверзается *бездна богатства и премудрости*, как говорит Апостол. Но премудрость Слова может открываться по-разному в зависимости от того, с какого края – церковного предания или личного опыта - мы пытаемся в нее заглянуть. Когда мы приближаемся к ней со стороны Востока (возьмем общеизвестный, схематический пример), то премудрость его устами бесчисленных учителей и молитв говорит нам, что нет для христианина более важного дела, чем борьба со страстями, покаяние и сопротивление с лукавым, ибо *род сей изгоняется только молитвой и постом*. И коль скоро мы всерьез этим сопротивлением заняты, нам уж ни до чего иного ни сил, ни времени, ни особого интереса просто не останется.

Лишь на Востоке (в духовном, конечно, смысле) голос с небес говорит монаху: «бегай, Арсений, людей и спасешься», и он, возжелав спасения, бежит, если и не в раскаленную или ледяную пустыню, то в тихую обитель, во внутреннюю клеть, дабы посвятить себя подвижничеству и неустанной «невидимой брани». На духовном же Западе, хоть он о невидимом тоже посвоему печется, объятого апостольской ревностью юношу, голос посылает на иную брань: *идите научите все народы*, борись, чтобы весть Христова дошла и до них. Иди ко всем, в том числе и таким народам, которые века три назад запросто могли содрать с кожу с незваного учителя или накормить им свое племя, или к тем, кто и без всякой кровожадности климат имеют такой, что хуже всякого людоеда. Иди и учи, а если не пойдешь, те языки останутся без Евангелия, и будет твоя вина. Не под силу тебе идти к дальним, отправляйся к ближним, тем, которые под боком, устраивай для них классы катехизации, спортивные площадки, детские лагеря, дабы и спорт и отдых были при храме, проповедуй на дискотеках, вырывай

древнейшую профессию из челюстей порока, словом, видимым, жертвенным делом яви ту весть, которой призван научить. Стоит ли говорить, что и в западном мире были и до сих пор остаются свои подвижники и отшельники (само слово «невидимая брань» принадлежит венецианцу Лоренцо Скуполи), и на Востоке бывали и есть свои отважные миссионеры, однако в целом и там и здесь сложилась традиция слышать внутренним слухом и откликаться каким-то близким им вещам, пропуская как не самые важные и спасительные другие. Ибо одним всего важнее бежать в леса, пробираться туда, где *сокровенный сердца человек*, а иным - взяв посох и Книгу, обзаведясь китайской грамотой и косичку отращивая, не колеблясь, идти из Рима в Китай. Да, Христос един, и вместе с тем для разных людей, разошедшихся традиций Он может быть иным и открываться одним в умном делании, вторым в трудной миссии, но разве кроме этих известных исхоженных путей не может быть других, ведущих к той же цели?

Здесь я рискну выбрать собственный маршрут, совмещая по возможности оба пути - внутрь себя, и во вне - к народу, ближе какого нет и дальше какого нет, к тому племени, к которому мы принадлежали когда-то и изначально им еще остаемся, а в перспективе сотериологической, может быть, еще только станем - к детям. Нет, речь не идет о популярном катехизисе, который мы собираемся раскрыть на умильной подглавке «Христос и дети», словно ее писали *не чернилами и тростью*, а медом и сахаром; всегда кажется, что слишком лубочные там дети, не тот Христос. Иисус учил чему-то куда более существенному, чем ласковая доброжелательство взрослого к малым сим лишь за то, что они так милы и невинны. Во всяком Его слове или жесте, помимо явного, сокрыт еще и неразгаданный смысл, и если писать о нем подробно, то, как говорит Иоанн Богослов, *и самому миру не вместить написанных книг*. Есть книга о Кресте, есть книга о внутренней брани, есть другая, которая начинается со повеления «иди», есть книга чудесных встреч и вразумляющих чудес, есть даже книга о лилиях, одевающихся краше Соломона, но есть среди многих других еще одна, именуемая «младенчество». В ней записано то, что еще должно раскрыться, по словам самого Иисуса, только в Царстве Его. Все мы помним слова:

В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает (Мф.18,1-4).

Царство Небесное – основная весть Иисуса, исток и цель Его учения. Возвещение Царства в Его устах звучало как мессианское обетование о владычестве Божиим как в конкретной истории: здесь и теперь, так в обновленном, еще не узнанном времени, которое приблизилось, и где-то рядом таится и ждет. Оно ждет во Христе, но близость его проступает яснее всего во всем, что Христово. Царство как детство, оно - рядом, мы когда-то вышли из него или еще не вошли, не вернулись в его время, потому что слишком нагружены скопившемся в нас временем взрослым, греховным, словно чужим. Царство Небесное подобно ребенку, оно неприметно, меньше зерна горчичного, оно *внутри вас есть*, но его семена, если взглядеться, всего различимее в тех, кто способен умалиться до этого зерна. Оно - как в сегодняшних детях, которые рядом, так и в тех, которыми мы были когда-то. Потому что детское есть и царственное, умалившееся есть и Христово, и в детство во Христе все мы призваны вернуться.

Вернуться - значит *умалиться*, вернуться - *принять дитя*. Что стоит за этим *принять*? Иисус говорил не на нашем многозначном европейском языке и не на каком-то символическом, эзотерическом и сакральном. В Его речи была плотность, телесность, конкретность, ибо «*Слово плоть бысть*» в том числе и в языковом смысле. Можно принять дитя как святую плоть, как Божию «доброту» творения, которая обращена к нам. Его следует приютить в своем доме, в сердце, в нашем взрослом «я». Принять дитя, значит стать пристанищем Слова, пришедшего анонимно и нуждающегося в матери. Матерью, как одновременно и Телом Слова, мистически становится Церковь.

В Церкви мы должны обрести Христа как в таинстве Тела и Крови, так и в таинстве личности, секрет которой в невидимом ее начале. В Церкви,

среди прочего, мы должны найти путь к самим себе. «Стань тем, кто ты есть», - говорит митр. Каллистос Уэр. А кто ты есть? Кто есть я по сути? Чтобы увидеть свое подлинное, изначальное «я», его нужно узнать в Боге. Прежде всего осознать, что и оно было когда-то сотворено, т.е. вошло в мир Словом, через которое все начало быть, что начало быть. Бог сказал о нас «сотворим» и каждому из нас сказал «будь». Он даровал нам лишь Ему ведомое, *вечное имя, которое*, - как сказано у пророка Исаяи, - *не истребится* (Ис. 56,5). «Ты создал нас для себя, говорит бл. Августин, и мятется сердце наше, пока не успокоится в Тебе». Да, наше сердце мятется, потому что оно переполнено собой, но ранено искрой или частицей Божией. А сердце ребенка, пока он еще мал, пребывает там, где его существо было от начала – в Его руках (*Руки твои сотворили меня и устроили меня...* Пс.118,73), в полноте Его неистраченного присутствия. Слова Псалма, которые мы вспомнили, произносятся каждым из «малых сих» еще до того, как он научается говорить.

Они выговариваются изумлением.

Человек входит в мир, изумляясь. *Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу...* (Пс.8:3). Ребенок хвалит и изумляется не по-взрослому, словно видит то, чего не видел раньше, а воспринимая бытие как целое, оставаясь в единстве с ним. Он изумляется тому, что воспринимает, впитывает органами чувств. И потому *принять дитя* – это прежде всего ответить благодарным изумлением тому, что было для нас сотворено. Удивиться чуду творящей воли Божией, дабы мы «из величия и красоты тварей собирали подобающее понятие о Сотворившем нас», - как говорит св. Василий Великий (*Беседы на Шестоднев*). Изумление – дословно, из ума исхождение, освобождение от сложившегося в «уме», от устоявшегося в нас образа падшего привычного мира. Изумление - это приношение в дар самого себя, соучастие в «вещах Божиих». Когда душа в человеке только просыпается, она нащупывает это затаенное «ты» вещей и вступает с ними в беседу как одно творение с другим. Сотворившее нас Слово Божие обнаруживает себя в общении.

Мир изначально был сотворен как общение тварных существ. В образе Троицкого Бога (скажем, на иконе «Троицы») мы узнаем не только о Его красоте и благодати, но и о *делах руках Его*, о которых *вещает твердь* и свидетельствует все, что на земле, под твердью. Ребенок еще не вышел из этого первоначального замысла Божию, в котором все твари собраны воедино и обращены к Богу. «Будьте как дети» или станьте тем, кто вы суть, тем, кем вы некогда были и до сих пор в каком-то безмолвии, начале, корне, плане, замысле остаетесь. Будь тем, кто ты есть (и это «есть» относится не к настоящему, но к непреходящему, вечному), каким был до того, как грех с его законом вражды и мир с его обособленностью не затянули тебя в себя, не вошли в твое «я», не овладели им полностью и созданное для Царства существо не пало в здешнее смертное время и не отдалось ему. Однако и падшее существо не вполне отсечено от своих корней в Боге, только их нужно научиться искать. Жизнь во Христе есть, помимо прочего, возвращение к тому истоку, откуда все начало быть, что начало быть. Она есть причастие к замыслу Божию о всякой человеческой жизни. Его замысел можно найти в каждом. Потому и говорит Иисус: *Если не обратитесь...*

Обратиться – значит также и обернуться. Мы оборачиваемся на оклик прошлого. Однако настоящее обращение происходит тогда, когда мы «вспоминаем» (и здесь слово «воспоминание» разумеется, надо брать в кавычки) себя в Царстве, когда мы находим его в нашей тварности, которая создана и наполнена любовью Творца. Любовь вызвала нас к жизни до того, как мы обзавелись сегодняшним нашим «я», которое и во взрослом и грешном «сквозит и тайно светит» только через *дитя*. Ибо и в нем ждет нас Христос.

О том же говорит Евангелие от Марка. *И взяв дитя, поставил его посреди них и, обняв его, сказал им: кто примет одно из таких во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня принимает, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня* (Мк.9,36-37).

Кто примет это дитя во имя Мое... Истолкования этих слов часто бывают скудны и невняты. «Возможно, слово «дети» употреблено в

переносном смысле», - отмечает на ходу В.Н.Кузнецова в комментарии к Евангелию от Марка. Нет, оно употреблено в смысле прямом и буквальном. В поддержку призыву поэму Сергея Аверинцева о Благовещении, где он настойчиво подчеркивает подлинность, «вещность», «правдивость» предметов, окружавших Марию. («Где камень воистину есть камень, в бадье вода воистину вода...»). Когда Иисус говорит о детях, Он не играет в раздвоение смыслов. Дитя - не символ чего-то иного, высшего и неясного, но воистину дитя безо всяких метафор. *Кто примет это дитя во имя Мое...* Как в Евхаристии: этот хлеб воистину есть хлеб, но и всецело Тело Христово. Этот ребенок воистину есть ребенок, рожденный, как и все мы, *от хотения плоти*, и вместе с тем принимающий его, принимает Сына Божия как благодарение. Принимающий дитя умеет благодарить, его приятие евхаристично. В ребенке заключено имя Слова Божия, а в имени таится начало творения. В начале всякого человека - реальное присутствие Слова. Вочеловечение означает имя Слова, ставшего плотью.

Принять дитя - значит приобщиться имени Господню, увидеть в личности ребенке первую из икон Сына Божия. И в этом состоит главное призвание всякой семьи, как малой, так и общечеловеческой. *Принять дитя* не как драгоценную красивую, хотя и беспокойную, игрушку, но как благословенную возможность Царства, *приблизившегося* здесь и теперь, к тебе и ко мне, в том ребенке, которого мы видим, но и в том, который по милости Божией еще живет в нас. До его малости нужно нам умалиться, ему уподобиться, чтобы войти в Царство. В этом вхождении в Царство ребенка, когда происходит уподобление родителей детям заключается суть христианского воспитания. А уподобление происходит по мере жизни вослед словам Христовым, которые едины и между собой взаимосвязаны. Они открывают дверь Духу Святому. *Дух приходит и вселяется*, чтобы ввести нас в общение с тем «малым сим», в кого мы призваны обратиться. Но это обращение взрослого часто достигается невероятными и долгими усилиями. Иисус сравнивает его с родами.

«Женщина, когда рождает терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас

опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас...» (Ин.16,21-22). Ведь недаром в устах Господа «последние вещи», обещанное Царство, соединяются с первыми - с рождением, и физическая мука рождающей женщины уподобляется телесной «печали», из которой возникает радость. Эта печаль сродни тому усилию, которым *«восхищается Царство»* (см. Мф.11,12). Скорбь рождения - и там, и здесь - увенчивается радостью обретения посылаемого дара. А если перевернуть аналогию, спуститься с высот вниз, к поту и крику родов, обрезанию пуповины, не есть ли само восхищение Царства из печали, усилия, скорби - образ явления в мир внутреннего человека-ребенка?

Обратиться в дитя - значит найти печать или метафизическую память промысла о нем. Об этой памяти говорит Давид в 138 Псалме: *Несоткрыты от Тебя были кости мои, когда я созидаем был втайне* (Пс.139). Эта несокрытость «взгляда Божия» иногда проступает в глазах новорожденного. Она ищет нашего благодарного взгляда. Благодарность - глубочайший корень нашей веры. Но есть и другой - очищение себя для Бога и покаяние за неумение благодарить. *«Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите»* (1 Фесс. 5,16) - такова триединая формула христианства, сумевшего «стать» детством, т.е. обратившегося в него.

138-ой Псалом многими Отцами толковался христологически: зародыш, *созидаемый втайне*, и есть Господь Иисус. Он возникает во всяком человеке, запечатлевает на нем Свой образ до рождения, Он узнается верой, но чаще остается неузнанным до самой кончины, Он *изображается* в нем (см.Гал.4,19), но также и распинается. Но при этом дарует ему Себя, окликает Собой – из младенчества или из Царства.

Здесь приходит на память одно из иудейских поверий о том, что в утробе матери ребенок изучает Тору, то есть, познает Бога и закон Его. А потом, когда рождается, Ангел Божий стирает в нем эту память. И мы в новорожденных ощущаем этот след изначальной мудрости, не до конца еще стершийся, не вполне забытый, отложившийся где-то за пределами разума, на который может упасть какой-то мгновенный радостный свет.

После Христа мы вправе сказать: ребенок изучает Божие Слово. Изучает тем, что наполняется Его *ведением*, вбирает в себя, дышит им, сохраняет его в растущем своем естестве. *Зародыш мой видели очи Твои... Дивно для меня ведение Твое*. Бог устами Давида рассказывает о Своей «работе», о том, как замысел Его осуществляется в *глубине утробы*, о том, как *ведение* Его облекается костями, как Промысел наполняется днями жизни, прозревая будущее самого зародыша и его потомков, не оставляя нас ни на миг. И если некогда это ведение физически, плотью, костями, жилами вошло в нас, неужели оно исчезнет, когда не будет плоти, костей и жил?

Как написано у пророков:

Вложу закон во внутренность их, и на сердцах их напишу его... (Иер. 31, 33). Мы забыли, что кроме смысла переносного, есть и буквальный. *Внутренность* в контексте библейского реализма - не только душа, но и тело, состав человека, который несет в себе «закон», волю, мысль, любовь Господа, и они раскрываются в нем. Вот, что есть цель воспитания – узнавание и принятие святого закона Божия, вложенного в наши кости, в наше живое «я».

«Согласно Православному богословию, в тварной природе присутствует Благодать от самого Ее источника, так эта Благодать подразумевается в самом акте творения..., - читаем у Павла Евдокимова («Женщина и спасение мира»). «Выше и прекраснее степень их, нежели девственников и святых, - говорит преп.Ефрем Сирий о детях, - они - чада Божии, питомцы Духа святого». (*Блаженство умерших во младенчестве*).

Небеса проповедуют славу Божию.... (Пс.18,2) И проповедь их как *откровение слов Твоих просвещает, вразумляет простых* (Пс.118,130) В православянски : *Явление словес Твоих просвещает и вразумляет младенцы*.

Младенец таит и несет в себе язык, на котором Бог являет славу Свою и говорит с нами. Можно выразиться и смелее: ребенок и *есть явление словес* Его, язык Его славы. Только ему нужно еще научиться. Если ты не можешь верить текстам, обрядам, догмам, встречам, посылаемым тебе знакам, доверься *явлению словес* или *делам рук Его*. Конечно, во младенчестве мы еще не можем ведать об этом. Но та слава хранится в нас и

порой выплескивается в памяти. Да и сама «вечная память», которую мы желаем усопшему, не означает ли возвращения в то *дивное ведение*, которое сотворило нас, вошло в жизнь и где-то еще живет в нас? И разве не со встречи с *дивным ведением* зарождается вера? Раннее детство напоминает нам об этой не до конца проясненной связи между «до» и «после» человеческой жизни. *Из уст младенцев Ты устроил хвалу*, и хвалу надо услышать в самом первичном, до-истолковательном смысле: «уста младенцев» еще до того, как научились говорить, суть уста Господни, проповедующие в творении.

Всякий человек входит в жизнь из этих уст, из *дивного устройства*, которое совершается в «до» человеческой жизни. И это устройство не есть ли личный завет, который Бог заключает с тем существом, которое Он творит? Смысл детства, как и воспитания - остаться верным этому завету, прочитать Слово, вложенное в это дитя, но, главное, сохранить в нем первоначальное изумление. Мы не участвуем в нашем творении, но много позднее, исходя из данного нам *дивного ведения*, мы можем осознать его. Мы можем откликнуться ему, выявить его в нашей жизни, дать ему раскрыться в потоке жизни, узнавать его в людях и вещах, нас окружающих. Вот, что значит войти в таинство детства: узнать Бога в собственном творении, Слово - в повседневном существовании, Любовь - в дыхании, дающем жизнь. Отсюда и задача воспитания - научиться видеть, узнавать, радоваться, благодарить. Сохранять в себе следы или обещания Царства, начало которого сродни истоку бытия. Так и сказано : «*если не будете, как дети...*»

«То, что детям даровано природой, мы должны обрести стать по страху Божию... если не станем чисты как дети, не сможем приблизиться к Спасителю» (Епифаний Латинянин). «Те качества, которыми ребенок обладает по природе, мы должны приобрести собственным выбором... Иисус возлагает руки на них, потому что возложение рук символизирует любовь Божию...» (Апполинарий Лаодикийский).

Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам; ей, Отче, ибо таково было Твое благоволение (Мф.11,25-26, Лк.10, 21). Если вдуматься в это славословие,

мы найдем, что в нем утаено особое, свернутое богословие детства, которое взрослым предстоит раскрыть. Это богословие умещается в три заповеди: принять дитя, обратиться в него, умалиться до него. Порядок слов в данном случае волен. Иисус призывает дитя, которое остается невидимой мерой и точкой отсчета нашего взрослого существования. И даже евангельским и церковным таинством его. При этом - не странно ли? - Он ничего не вспоминает о первородном грехе Адама, не говорит о падении прародителей. Он провозглашает, более того, являет делом святость детства. *Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пусть дети и не препятствуют им приходить ко Мне. И, возложив на них руки, пошел оттуда* (Мф. 19,13-14).

И все же почему именно «дети»? Чем будущий человек столь радикального отличается от человека реализованного? Владимир Соловьев в «Оправдании Добра» оправдывает «деторождение» чистой возможностью иного жизненного пути, иными словами, в исполнении замысла Божия о человеке, даруемого ему при творении. «Все согласны, говорит он, что особая прелесть детей – в их невинности, но эта фактическая невинность не могла бы приводить нас в радость и восхищение, если бы мы были уверены, что она непременно будет потеряна. Мысль, что их ангелы прямо видят лицо Отца Небесного, не имела бы в себе ничего утешительного и назидательного, если бы соединялась с убеждением, что эти ангелы неизбежно сейчас ослепнут».

Может быть, это объяснение стоит принять. По крайней мере, оно так смело и по-детски нелогично выбирает возможность чуда вопреки жесткой тертуллианско-августинской логике, согласно которой каждый человек является в мир со смертельной раной греха. Нет, прежде чем заразиться грехом, младенец приходит в мир прежде всего как ожидание Божие. Господь ждет, что мир наконец исполнится в нем, откроется таким, каким и был некогда создан, явлен, подарен. Но всякий раз ожидание Его оказывается обманутым. Всякий ребенок – возможность, обещание, как и вызов взрослым, прежде всего родителям, коим это обещание вручается. И

все же каждой матери и каждому отцу вручается залог святости, вышедшей из того, что было лишь *желанием плоти*, плодом совокупления. Но это обещание исполняется лишь во святых, ставших детьми.

Вы – письмо Христово, - пишет ап. Павел, обращаясь к Церкви Божией, находящейся в Коринфе. Но и любой ребенок – письмо, написанное Христом церкви, находящейся в семье. Чтобы письмо прочитать, нужно стать этой церковью. Всякий человек приходящий в мир, несет в себе замысел, который он волен исполнить. Наука «писем Христовых» существует прежде всего для родителей, как соратников Бога. Чтобы прочитать это письмо, они должны овладеть ею сами. Творец воспользовался их объятием, чтобы создать Свое и для Себя. «Уча, учусь», ибо нет лучшего способа постижения этой грамоты, чем разгадать ее в себе. *Отец Мой доныне делает...*(Ин.5,17), и всякое создание есть дело Отца.

Однако детство, в сущности, не измеряется годами. Нельзя сказать: вчера оно кончилось навсегда. Оно, может быть, еще и не начиналось. Когда мы осознаем его, его уже нет. Мы его утратили где-то, расточили. *Кто не собирает со Мною, тот расточает*, говорит Иисус. Детство кончается, когда наше «я» становится сознательным, когда оно поддается искушению Адама и заболевает своим я-центризмом, наполняется падшим миром, хочет *быть как боги*.

Вот это *как боги* входит в человека после детства. Я предпочитаю говорить о младенчестве, ибо под детством мы подразумеваем и отрочество. А подростковость – это уже совершенно иной возраст, отчасти еще несущий в себе ребенка, но уже во многом противоположный тому детству, о котором говорил Христос. Это время опьянения своим «я», лишь недавно приобретенным, но уже заполнившим весь внутренний горизонт. *Дивное ведение* вытесняется новым эгоцентрическим опытом своего я, с его страстями, инстинктами, комплексами, «половодьем чувств», с его внезапно разросшимся интеллектом, никак не уравновешенного ростом духа. Это время кризиса, метания, «отрясения праха», желания «по своей глупой воле пожить» (вспомним отрочество того же Соловьева, Булгакова, Бердяева и столькоких еще). И вместе с тем где-то спрятанная в глубине хрупкость.

Начиная с отрочества это наше «я» будет только разрастаться и матереть. *Грех юности моя и неведения моего не помяни*, восклицает Псалом (24,7). Юность, т.е. становление взрослости, это и есть время, когда человеческое «я» богатеет внезапно, но не Богом, о Ком оно склонно забыть, а лишь собой, обретает разум, который может себя утверждать, управлять другими, пользоваться ими хотя бы мысленно, их судить, презирать и над ними возноситься, так и тело, которое может и хочет грешить. Но в этом «нужности» нет и следа премудрости, которая отмечена присутствием Духа.

Поэтому и говорит Господь о мудрости умаления, как условия вхождения в Царство Духа. Умалиться - значит нагнуться, сократить свой объем и место в мире, но самое главное - сократить себя в себе. *Царство Божие подобно зерну горчичному...* Это малое зерно таит в себе образ нашего «я», еще не прикоснувшегося к сознанию. Потому что разум, увы, есть путь спасения, но и зеркало плененности миром сим, накопившимся в нас и владеющим нами.

Отсюда можно понять и самые загадочные слова Евангелия: *Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее* (Лк.9,24). Это предупреждение разгадывается в тайне детства. Ребенок не теряет души, он ее приобретает, открывает в себе и наращивает. Но при умалении, когда взрослым, со вкусом Адамова яблока на губах, он возвращается к своему младенчеству, то теряет душу *ради Меня и Евангелия*, отказываясь от сделанных приобретений, от громады давящего душевного опыта, от плена страстей, всех «сокровищ», собранных, иной раз и против собственной воли, на земле. И только «потерявший душу» умеет принять чужого как своего. Поэтому и святость понимается на Востоке как исцеление от самого себя ради возвращения к себе. Да и цель христианского воспитания, если вспомнить и о нем, - это удержание первоначальной святости. Ибо «всякая душа, по природе своей христианка». Но эту природу надо еще найти, в нее нужно обратиться, ее понять, исходя из того начала, того дара, который каждому из нас посылается при творении.

Возвращение в мир детства возможно лишь тогда, когда мы осознаем громадное расстояние, которое нас от него отделяет. Будьте как дети, говорит Иисус, но та временная дорога, по которой вы пришли в детство из небытия, закрылась навсегда. Никакая волшебная палочка не вернет вам былого. Ребенок не знает стыда, но вы, повзрослев, не можете головным декретом «долой стыд!» отменить его, как в нудизме. Ребенок мыслит иначе, чем мы, но впадением в детство, мы к его мышлению не вернемся. Ребенок пребывает вблизи Царства Божия, но, даже очень захотев, его не свести на землю мечтой, наукой и кровью, как у Маркса-Ленина-Мао. Стать как дети можно только тогда, когда мы осознаем, что бесповоротно детство утратили. Оно может вернуться теперь только в иное, Христово детство или святость. Святость, в сущности, исполнение того, что дано всем *от начала*, но реализовавшееся уже в зрелом возрасте, победившем в себе змиево *как боги. Если не будете как дети...* - сказано вовсе не детям, а всем нам. Возвращение к ребенку в себе – путь взрослого, преодолевающего древнее искушение и готовящегося вступить в тот Народ Божий, который избрал Бог. С этим народом Бог заключает Завет через родителей, созидает его в утробе матерей. И каждый взрослый призван *стать как дети*, найти себя в сотворенности, узнать в личном Завете Божиим с ним, вспомнить о себе, «созидаемом втайне», и сделать тайное явным в земном своем существовании.

Не боясь впасть в гностицизм или иную ересь, опираясь лишь на слова Спасителя, мы решимся утверждать, что в едином Евангелии среди многих его слоев, среди множества посланий, обращенных к разным ушам, имеющим слышать, есть еще и Евангелие от *малых сих*, органично сплетающееся с другими и вместе с тем потаенно отличное, особое, малое. Оно отлично тем, что главное действующее лицо в нем - иной Божий Народ, Народ-ребенок, тот благословенный, тот избранный Народ творения, в который мы призваны обратиться. *Ибо Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное...* (1 Кор.1,27). Его избрание продолжается, Бог верен Своему слову.

Этого народа не видно, как не видно ничего царственного и святого в грешных, обремененных собой людях, наполняющих наши храмы и

составляющих Народ Божий или, согласно Символу, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Однако рассеянный этот народ предстоит открыть и в богоизбранность его поверить. О нем прикровенно говорит и Иоанн Богослов:

«Возлюбленные! Мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, Как Он есть» (1 Ин.3,2).

Подлинное детство во Христе, то, которому должно открыться видение Бога - не позади, но впереди нас. Однако и младенчество, оставшееся где-то в дали за нами, есть залог детства будущего, которому еще предстоит прозреть. *Увидим Его, Как Он есть* – потому что Он будет Тем, Кем был и есть, когда созидал нас.

Если примем дитя в себе, узнаем его в других,
если станем *как дети*.